МУРЗИЛКА

N 12

ДЕТИЗДАТ 1936 ЦКВЛКСМ

МУРЗИЛКА

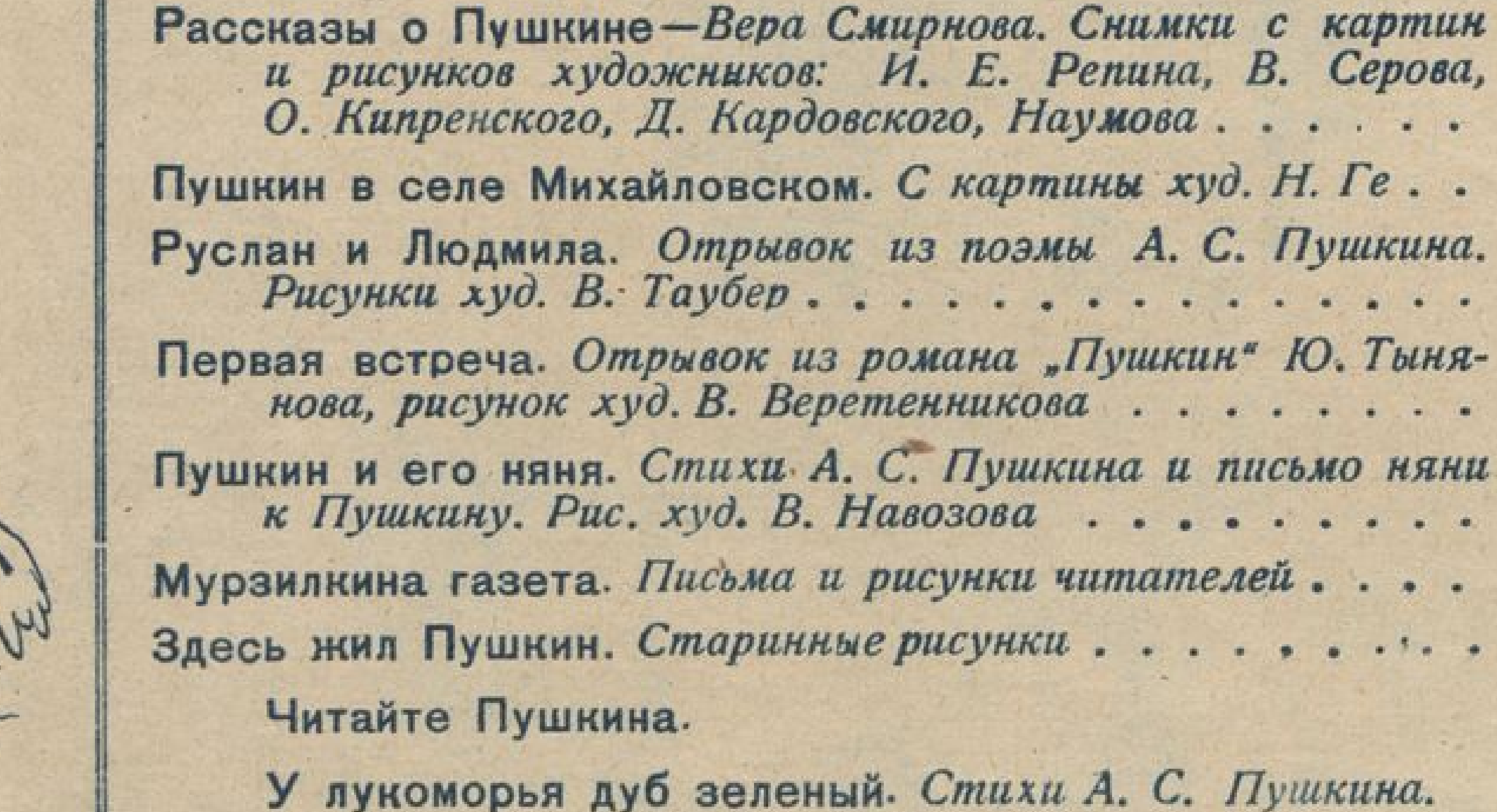
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

№ 12

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ 1936

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес: Москва, М. Черкасский, 1. Тел. 1-15-42

СОДЕРЖАНИЕ:

На полях журнала напечатаны рисунки А. С. ПУШКИНА, сделанные пером.

Исправь ошибку в № 11 на стр. 19 в письме Алеши Гаврилова — написано „Амоскоп", а надо „Алоскоп".

У памятника А. С. Пушкина в Детском Селе.

...Здравствуй, племя младое, незнакомое!..

Александр Пушкин

Рассказы о Пушкине

Вера Смирнова

В Царском Селе

В лицее шел публичный экзамен. В актовом зале стоял длинный стол для экзаминаторов, среди которых был сам министр народного просвещения. Вдоль стен сидели приглашенные: родители, придворные, чиновники. Впереди, как в театре, расположились дамы в пышных нарядах. За столом, рядом с директором, сидел почетный гость — грузный старик в мундире со звездой, в мягких бархатных сапогах. Это был Державин — знаменитый русский поэт, доживавший уже свой век и свою славу.

Шел экзамен по российской словесности. Воспитанники лицея выходили к столу, отвечали робко, смущенные блестящим собранием. Державин скучал, дремал в своем кресле, оживляясь не надолго, когда читали его стихи или произносили его имя.

Вызвали Пушкина Александра.

Невысокий, смуглый, курчавый мальчик стремительно приблизился к столу. Парадный лицейский мундирчик с красным, шитым золотом воротником был ему тесен, руки ему мешали. Но глаза его заблестели, когда он обратился к старому поэту. Подняв голову, звучным голосом мальчик начал читать свои стихи. В высокие окна глядел царскосельский сад, засыпанный январским снегом. Пушкин читал „Воспоминания в Царском Селе".

При первых же строфах Державин пробудился от дремоты, оживился, стал слушать внимательно. Казалось, он молодел с каждым стихом, он сиял, он встал с кресла и приложил руку к уху, чтобы лучше слышать.

Царскосельский лицей (школа для детей дворян), где учился А. С. Пушкин.

Пушкин кончил.

Старый поэт был в восторге. Он твердил: „Вот кто меня заменит..." Он хотел обнять своего преемника. Но мальчик убежал из зала, и его нигде не могли найти.

Вечером, на торжественном обеде у министра, говорили о талантливом мальчике, ему предсказывали славу. Он был замечен. Им интересовались лучшие тогдашние писатели — Карамзин, Жуковский, Батюшков.

В лицее он давно уже был признанным поэтом. Но еще до окончания лицея и в петербургских больших журналах уже печатались стихи, подписанные Александр Н Ш К П и 1-14—16, — цифры обозначали буквы А Н П.

„Отправить на службу"

У одного вельможи в Царском Селе был медвежонок. Он сидел на цепи в будке, и дети его дразнили. Однажды, разозлясь не на шутку, он разорвал цепь и убежал в дворцовый парк, густой и уединенный.

Царь Александр I в этот час совершал свою обычную прогулку в парке, один со своей любимой маленькой собачкой. Вдруг в темной аллее Шарло стал беспокоиться, лаять и тянуть царя назад. Царь испугался: ему везде мерещились заговорщики. Он вернулся во дворец и приказал обыскать парк. Медвежонка нашли, он был тут же убит.

Узнав об этом, Пушкин сказал во всеуслышание:

— Нашелся один, да и тот медведь.

Пушкин ненавидел царя, мечтал о свободе. Он был тогда молод, говорил открыто, что думал. По всей

Пушкин на экзамене в лицее читает свои стихи.
С картины худ. И. Е. Репина.

Картина находится в Государственной Третьяковской галлерее, в Москве.

России передавали из рук в руки его свободолюбивые и смелые стихи.

Царь узнал об этом.

Как-то, вернувшись поздно домой, Пушкин застал своего старого дядьку в тревоге. Неизвестный человек приходил в отсутствие поэта к нему на квартиру, давал старику пятьдесят рублей, просил показать рукописи поэта. Верный дядька не согласился, и незнакомец ушел. Но Пушкин понял, что это значит, и остаток ночи жег в камине свои стихи и письма.

Утром прислали за ним от графа Милорадовича, петербургского генерал - губернатора. Поэт явился. При нем был отдан приказ полицмейстеру ехать к Пушкину домой — опечатать все его бумаги.

— Граф, вы напрасно это делаете,— живо сказал Пушкин. — Вы ничего не найдете у меня в квартире. Прикажите дать мне перо и бумагу, я напишу вам все, что вы ищете.

Ему принесли бумагу. Он сел и писал, писал — написал целую тетрадь.

— А, это по-рыцарски! — сказал ему Милорадович.

На другой день стихи были переданы царю.

— Вам, государь, лучше этого не читать,— сказал заботливый граф.

Царь улыбнулся. Но, встретясь на обычной прогулке в саду с директором лицея, царь сказал ему сердито:

— Пушкина надо сослать в Сибирь. Он наводнил Россию возмутительными стихами, вся молодежь наизусть их читает.

— Ваше величество,— сказал директор лицея,— позволю себе сказать слово

за бывшего моего воспитанника. В нем развивается необыкновенный талант. Пушкин уже теперь краса всей нашей литературы, впереди еще большие на него надежды. Ссылка может подействовать на него губительно...

Тем временем Карамзин обратился к царице, и все друзья Пушкина старались замолвить за поэта слово.

— Снарядить его в дорогу, выдать ему прогоны и отправить его на службу на юг! — приказал царь.

„Бес арапский"

Сиятельный граф Воронцов, генерал-губернатор новороссийский и бессарабский, был в этот день особенно любезен, приветлив и приятен в канцелярии. Это значило, что его сиятельство был не в духе и гневался. И все знали: виноват опять Пушкин. Недаром один из его друзей прозвал его в шутку: „бес арапский". И в Бессарабии и в Одессе он доставлял много хлопот своему начальству.

Дважды уже граф писал в Петербург, чтобы его избавили от Пушкина.

„Это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне не хотелось бы иметь его больше ни в Одессе, ни в Кишиневе".

У его сиятельства был самый блестящий дом в крае, его посещали знатные иностранцы. Граф хотел слыть просвещенным человеком и вел жизнь на манер английского лорда.

Но почти каждый вечер запросто, как к приятелю, в его дворец являлся Пушкин, небрежно одетый, без тени почтения. Эпиграммы и колкости сыпались у поэта с языка, их тут же записывали. Назавтра их повторял весь город, через месяц они были известны в столицах. Пока это касалось подчиненных его сиятельства, еще можно было смотреть сквозь пальцы. Но на-днях графу пришлось прочесть такие строчки:

„Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полным, наконец".

Это было уже об его сиятельстве. Граф не показал и виду, но решил, наконец, проучить Пушкина.

Ему подали бумаги на подпись. В этом году на поля южных губерний напала саранча, и решено было направить некоторых из низших чиновников на борьбу с ней. Одна из бумаг была адресована коллежскому секретарю Александру Пушкину:

„Поручаю вам осмотреть важнейшие места, где саранча наиболее водородилась, и обозреть, с каким успехом действуют употребленные к истреблению оной средства. О всем, что вами найдено будет, рекомендую донести мне".

Склонив свою сиятельную голову, граф подписал предписание.

Поэт был глубоко оскорблен этим назначением.

— Семь лет я службой не занимался. Стихотворство — мое ремесло. Мне скажут, что, получая семьсот рублей в год, я обязан служить. Но я принимаю эти семьсот рублей не как жалованье чиновника, а как паек ссылочного невольника. Я готов отказаться от них... Я жажду одного: независимости. Ужели нельзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая, верно, долго не продлится?

Он хотел взбунтоваться. Друзья уговорили его. Он послушался, поехал, через две недели вернулся — и подал свое донесение:

„Саранча летела, летела
И села.
Сидела, сидела, все съела
И вновь улетела".

Село Михайловское Старинный рисунок.

Через несколько дней он был уволен со службы. Но царь не позволил ему вернуться в Петербург и приказал ехать в ссылку во Псков, в село Михайловское. Пушкин занял денег и отправился на север.

В глуши лесов сосновых

В двух верстах от деревни, на косогоре, стоял барский дом, деревянный, в один этаж. Внизу, под горой, текла река. За рекой в обе стороны лежали два больших озера. Вокруг — насколько только видно было глазу — синел сосновый бор.

Дом был старый, половицы скрипели. Парадные комнаты были заперты, окна завешены. Зимой отапливали только три комнаты. Печи дымили.

Встав поутру рано, он каждый день купался — летом спускался к реке, зимой шел в баню, разбивал кулаком лед в ванне, окунался в ледяную воду. В ясную погоду садился с утра на коня. В осеннюю слякоть и в зимнюю вьюгу, когда ему хорошо работалось, до полудня писал в постели, не одевался, чтобы не развлечься, не уйти из дому. Обедал поздно — в сумерки. До сумерек, перед обедом, в любую погоду гулял по полям, по лесу. В длинные зимние вечера играл сам с собой на бильярде, слушал нянины сказки и песни.

Няне шел седьмой десяток к концу. Она бодрилась, сама топила печи, варила ему кофе, накрывала на стол. Опустив на колени спицы с чулком, смотрела из-под очков на смуглого своего питомца с сердечной заботой.

Сначала он тосковал сильно, хотел убежать в чужие края.

Он был один. Не было с ним товарищей. Не с кем было поделиться удачей, не у кого спросить совета.

Потом привык, работа его заняла всего.

И в веселые главы „Евгения Онегина" записывал он, как в дневник, занесенные снегом леса, и дворового мальчика на салазках, свой одинокий бильярд, и барышень из соседних имений, и свою старую няню.

Пушкин на прогулке.
С рисунка худ. В. А. Серова.

Окончив свою народную драму „Борис Годунов", прыгал он по комнате, бил в ладоши, кричал: „Ай да Пушкин!"

За два года написал он столько, что другому хватило бы на долгую жизнь.

Однажды зимой ему выпала нежданная радость. Это было в январе. Рано утром его разбудил колокольчик. Он выглянул в окно: сани промчались мимо крыльца и застряли в сугробе. Он узнал Ивана Пущина — лицейского своего товарища и друга. Как был, в одной рубашке, босиком, выскочил он на крыльцо, протянул руки. Пущин схватил его в охапку и внес в комнату. Прибежавшая няня так и застала их в объятиях друг друга — одного почти голого, другого в шубе, обоих — в слезах. В комнате был беспорядок: стол был завален рукописями, везде валялись перья — обкусанные, обожженные; на стульях, на диване — книги. Пущин оглядывал бедное это жилище, искал, где умыться. Наконец, и гость и хозяин привели себя в порядок, няня принесла кофе. Пушкин жадно расспрашивал друга, что делается в России, что говорят о нем, рассказывал, что трудится охотно и усердно. За обедом Пущин приказал достать привезенное им шампанское. Заставили выпить и няню. После обеда Пушкин стал читать вслух „Горе от ума", комедию Грибоедова, которую привез ему Пущин. В это время подъехали еще сани. В комнату вошел низенький рыжий монах —

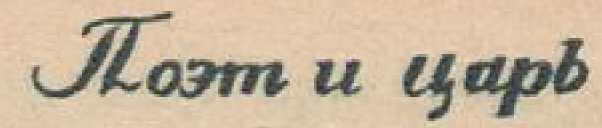
Александо Сергеевич Пушкин
Родился 6 июня в 1799 году
Умер 10 февраля в 1837 году
С портрета худ. О. Кипренского.

настоятель соседнего монастыря, — ему было поручено наблюдать за Пушкиным в деревне. Кто-то донес уже ему, что у Пушкина гость. Пушкин притих, смутился. Монаха напоили чаем с ромом, и он уехал. Пушкин опять оживился, стал читать другу свои стихи, продиктовал начало поэмы „Цыганы“.

Часы летели. В полночь няня дала им ужинать. Уже запрягали лошадей. Пора было расставаться. Оба вдруг почувствовали, что видятся в последний раз. Предчувствие сбылось: через два года Пущин был уже на каторге.

Со свечою в руке Пушкин вышел на крыльцо. Снег скрипел под полозьями, от коней шел пар. Пущин махнул рукой и бросился в сани.

Поэт и царь

Вечером 13 декабря 1825 года в Петербурге, на квартире у поэта Рылеева, друга Пушкина, было совещание тайного общества — заговорщиков, которые давно подготовляли восстание против царя.

14 декабря заговорщики вывели на Сенатскую площадь часть петербургского гарнизона.

Новый царь Николай I приказал выставить против мятежников пушки и сам командовал стрельбой. Восстание было подавлено, вожди восставших арестованы, тела убитых свалены в прорубь — в Неву.

Началось судебное следствие.

Пушкин в своей глуши метался, как в клетке. Вести доходили до него с запозданием, отрывочные, неясные; писать об этом было опасно. А между тем среди заговорщиков — декабристов, как стали их после звать, — были близкие друзья его: Пущин, Кюхельбекер, Рылеев, Бестужев; с другими он был приятель или товарищ. Пушкин не был членом общества, он догадывался о заговоре, его стихи помогали декабристам.

Теперь он рвался в Петербург. Но друзья советовали ему ждать.

„Ты ни в чем не замешан, — писал ему Жуковский, — но в бумагах каждого из действовавших находятся твои стихи. Это худой способ подружиться с правительством. Не просись в Петербург. Еще не время“.

А время шло — прошла зима, и весна, и лето. 24 июля Пушкин узнал о казни вождей декабристов.

2 сентября 1826 года, поздно ночью, Пушкин сидел в своей комнате у печки, подбрасывал дрова и думал о своей судьбе.

Вдруг подъехала курьерская тройка. Это был нарочный из Пскова с известием, что там ждет поэта фельдъегерь из Москвы с повелением немедленно явиться к царю.

Пушкин бросил в огонь свои записки, некоторые свои стихотворения и быстро собрался в дорогу.

Арина Родионовна растужилась, расплакалась. Пушкин ее утешал.

Втайне он был убежден, что его увезут прямо в Сибирь.

На пятый день фельдъегерь привез Пушкина в Москву, во дворец.

Небритый, весь покрытый грязью, замерзший, усталый с дороги и почти больной от волнения, поэт был введен в кабинет царя.

— Пушкин, что сделал бы ты, если б четырнадцатого декабря ты был в Петербурге? — спросил его царь.

— Непременно я был бы с друзьями на площади! — отвечал поэт.

Это было с глазу на глаз, и в расчеты царя тогда не входило ссориться с Пушкиным. Пушкина знала вся Россия. Поэт был опасен. Надо было его задобрить и попытаться перетянуть на свою сторону. Это был хитрый и злой план.

Николай сделал вид, что прощает поэта, обнял его и обласкал.

— Я позволяю тебе жить, где ты хочешь, — сказал он поэту. И с этого дня отовсюду, где бы ни появлялся Пушкин хоть на несколько дней, посылались царю секретные донесения.

— Пиши, что хочешь. Я отменяю для тебя цензуру, — обещал царь.

Но с тех пор каждую строчку стихов пришлось Пушкину показывать не цензорам, с которыми можно было поспорить, а царю и начальнику жандармов, перед которыми надо было молчать.

— Я хочу быть первым твоим читателем, — милостиво говорил царь.

И это значило, что даже близким друзьям не мог Пушкин читать ничего вновь написанного — без ведома царя.

Царские милости были для поэта тяжелее царского гнева. За них заплатил он своей кровью.

Декабристы.
С рисунка худ. Д. Кардовского.

Дуэль

День был ясный. С моря дул сильный ветер. На углу Невского проспекта, в кондитерской Вольфа, Пушкин в медвежьей шубе задумчиво глядел в окно. Подъехали парные сани, вошел офицер, позвал негромко. Пушкин быстро выпил стакан лимонада, они вышли. Сани помчали их по Невскому, по Дворцовой набережной — к Троицкому мосту.

На набережной встретили много знакомых. В этот день на островах было катанье с гор. Было около четырех часов дня.

— Что вы так поздно? — прокричал им знакомый конногвардеец. — Все уже оттуда возвращаются. — Он думал, что они тоже собрались кататься.

Когда выехали за город, увидели впереди другие сани — по ветру бился белый султан гвардейского кивера. Это был гвардейский поручик Дантес, сын голландского посланника, со своим секундантом.

Печать А. С. Пушкина.

Кондитерская Вольфа в Петербурге, откуда Пушкин поехал на дуэль.

Дуэль Пушкина с Дантесом.
С картины худ. Наумова.

Переехали по мосту за Черную речку. Через полчаса были далеко от людных мест, за Комендантской дачей, за огородами. Остановились и те и другие, оставили сани у дороги, пошли в сторону. В сосновой роще нашли небольшую поляну, защищенную густым кустарником от глаз извозчиков и от ветра. Снег был по колена. Товарищ Пушкина и спутник Дантеса принялись расчищать ногами снег, протоптали тропинку шириной в аршин, длиной в двадцать шагов. Дантес им помогал.

Лампа А. С. Пушкина

Пушкин сел на сугроб и спокойно смотрел на эти приготовления.

Отмерили по пять шагов от краев тропинки, положили шинели барьерами — одну в десяти шагах от другой. Пушкин и Дантес стали на разных концах тропинки, друг против друга, и скинули шубы прямо в снег. Им подали заряженные пистолеты. Один из спутников махнул шляпой. Пушкин быстро дошел до своего барьера. Дантес ступил четыре шага и выстрелил первый. Пушкин упал на шинель, лицом в снег. Падая, он сказал:

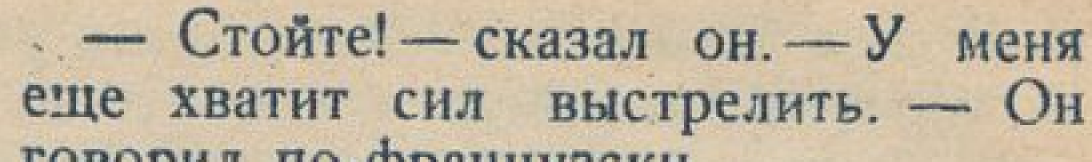
— Я ранен. Кажется, у меня раздроблено бедро.

Чернильница А. С. Пушкина

Пистолет выпал у него из рук, в дуло набился снег.

Спутники бросились к нему. Противник тоже. Но раненый вдруг приподнялся.

— Стойте! — сказал он. — У меня еще хватит сил выстрелить. — Он говорил по-французски.

Дантес вернулся на место, стал боком и закрыл рукой грудь. Раненому дали другой пистолет. Опершись рукой о землю, он стал прицеливаться. Кровь лилась из его раны. Он выстрелил.

Дантес пошатнулся и упал на колени. Пушкин подбросил вверх пистолет, закричал: „Браво!“, снова упал и потерял сознание.

Очнувшись, он спросил:

— Убил я его?

— Нет, вы его ранили в руку.

— Странно, — сказал он, — я думал, мне будет приятно его убить. Но чувствую теперь, что нет... Впрочем, все равно... Как только поправимся, начнем снова...

Дантес в самом деле поправился, и очень скоро. Он уже ходил по комнате и с подвязанной рукой принимал гостей в тот самый день, когда гроб поэта опускали в могилу.

Похороны

Зимой, в начале февраля 1837 года, из Петербурга по снежным дорогам два дня и две ночи мчались в сторону Пскова казенные тройки.

На дровнях в соломе везли бедный гроб, обернутый рогожей.

Четверо жандармов, старый петербургский друг да верный дядька, дворовый, провожали мертвого Пушкина. Ехали крадучись, останавливались не надолго — только переменить лошадей.

Мчались днем и ночью, как будто боялись погони.

— Что это такое? — спросил на какой-то станции встречный проезжий у мужиков на почтовом дворе.

— А бог его знает — что! Вишь, какой-то Пушкин убит — вот его и мчат на почтовых в рогоже да в соломе, прости господи, — как собаку...

Ночью приехали в сосновый бор, в село Тригорское, в Святогорский монастырь.

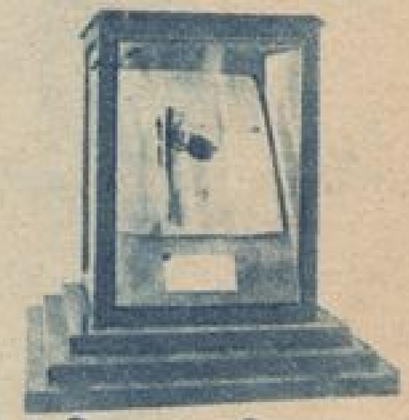
Возок с гробом Пушкина. С картины худ. Наумова

Всю ночь до рассвета тригорские крестьяне копали могилу.

6 февраля рано утром вынесли гроб из церкви. Провожали жандармы. Старый дядька плакал.

Заколоченный гроб опустили в промерзлую могилу и засыпали землей и камнями. Днем пошел сильный снег и белой пеленой покрыл могилу и всякий человеческий след.

Жандармы, не торопясь, отправились обратно с донесением. Пушкин спит вечным сном и более не опасен.

Перо А. С. Пушкина

Исполнились слова поэта

Пушкин был мертв. Невысокий, смуглый, курчавый человек, похожий на африканца, спал вечным сном за оградой Святогорского монастыря.

Но слова, чудесно собранные в короткие звучные строчки, жили, вспоминались, радовали на школьной скамье и не сходили с языка всю жизнь. Стихи оставались свежими и прекрасными, их не могло состарить время.

Поэт это предвидел. Незадолго перед смертью Пушкин писал уверенно и гордо:

*) [illegible]

Прошло сто лет, „и много переменилось в жизни" — в мире, в России. Над бывшим Зимним дворцом вьется красный советский флаг.

Через Пушкинскую площадь в Москве мимо памятника поэту проходит „племя младое, незнакомое" — советские люди, самый свободный, самый счастливый народ в мире.

Каждый день приносит известие о победах: советская земля дает небывалый урожай, советские корабли проходят среди вечных льдов, советские герои-летчики все выше поднимаются в небо. Вся страна обсуждает и утверждает свои законы, самые справедливые на земле.

Но в наши горячие дни мы не забыли Пушкина. В шумной школе, в тихой библиотеке, народном театре и в клубе, заводах, на улицах и в вагонах метро, в центре столицы и на пограничных заставах, на пестрых афишах, на страницах газет и из черной воронки громкоговорителя звенит веселое имя поэта.

Ученые пишут о нем книги, поэты приходят к нему учиться, музыканты делают из его стихов песни.

В детском саду малыши, крепко держа карандаш, рисуют старика у сердитого моря и золотую рыбку.

И — ныне совсем не дикий — эвенк и калмык, и башкир, и татарин читают Пушкина на своем родном языке.

Ребята читают сказку А. С. Пушкина о рыбаке и рыбке.

*) *Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,*
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Пушкин в селе Михайловском читает стихи Пущину.

С картины худ. Н. Ге.

Отрывок из поэмы А. С. Пушкина

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленною землей;
Дымятся синие туманы,
И всходит месяц золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчив едет наш Руслан,
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный,
И что-то страшное храпит.
Он ближе к холму, ближе — слышит:
Чудесный холм как будто дышит.
Руслан внимает и глядит
Бестрепетно, с покойным духом;
Но, шевеля пугливым ухом,
Конь упирается, дрожит,
Трясет упрямой головою,
И грива дыбом поднялась.
Вдруг холм, безоблачной луною
В тумане бледно озарясь,
Яснеет; смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объяты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в темной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.
В своей ужасной красоте
Над мрачной степью возвышаясь,
Безмолвием окружена,
Пустыни сторож безымянный,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной.
В недоуменьи хочет он
Таинственный разрушить сон.
Вблизи осматривая диво,
Объехал голову кругом,
И стал пред носом молчаливо;
Щекотит ноздри копием,
И, сморщась, голова зевнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; с ресниц, с усов,
С бровей слетела стая сов,
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржал, запрыгал, отлетел,
Едва сам витязь усидел,
И вслед раздался голос шумный:
„Куда ты, витязь неразумный?

Ступай назад, я не шучу!
Как раз нахала проглочу!"
Руслан с презреньем оглянулся,
Браздами удержал коня,
И с гордым видом усмехнулся.
„Чего ты хочешь от меня?—
Нахмурясь, голова вскричала.—
Вот гостя мне судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь уж ночь,
Прощай!" Но витязь знаменитый,
Услыша грубые слова,
Воскликнул с важностью сердитой:
„Молчи, пустая голова!
Слыхал я истину бывало:
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!"

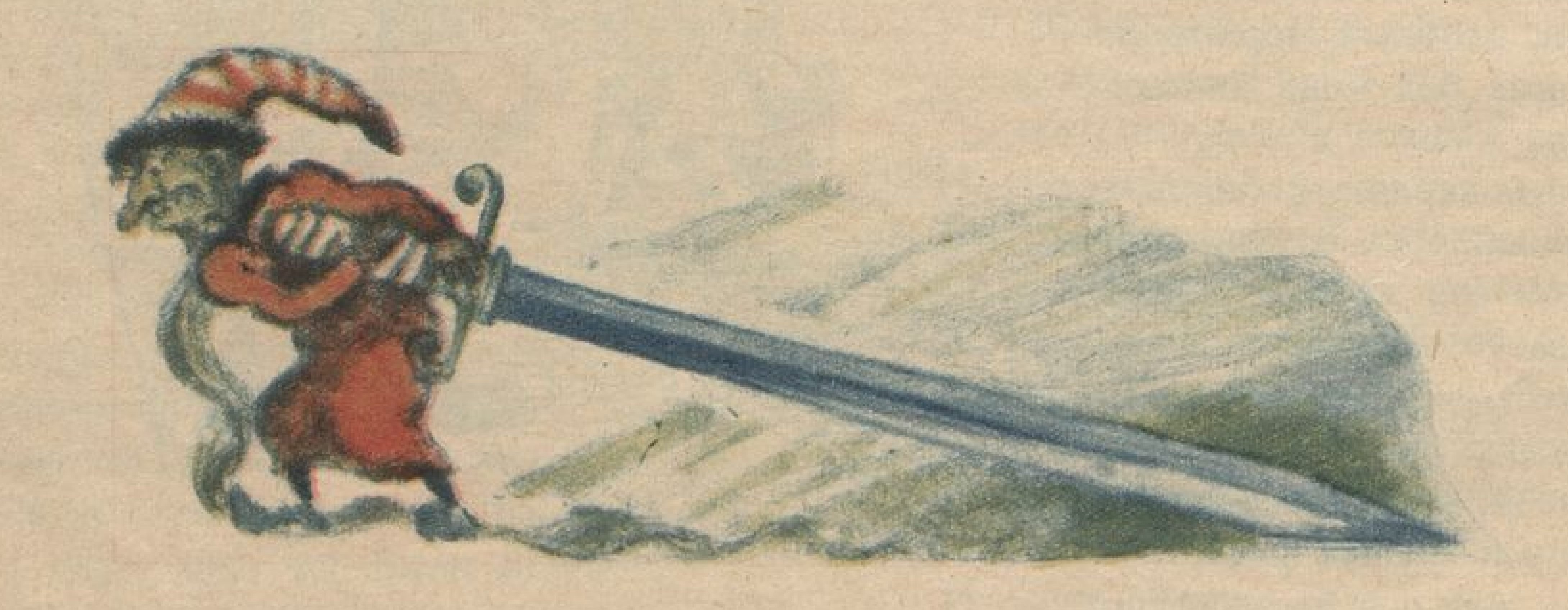
Тогда от ярости немея,
Стесненной злобой пламенея,
Надулась голова; как жар,
Кровавы очи засверкали;
Напенясь, губы задрожали,
Из уст, ушей поднялся пар—
И вдруг она, что было мочи,
Навстречу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмурив очи,
Склонив главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи
Неверный продолжает путь;
Объятый страхом, ослепленный,
Он мчится вновь, изнеможенный,
Далече в поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочет—
Вновь отражен, надежды нет!
А голова ему вослед,
Как сумасшедшая, хохочет,
Гремит: „Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даром;
Не трусь, наездник, и меня
Порадуй хоть одним ударом,
Пока не заморил коня".
И между тем она героя
Дразнила страшным языком.
Руслан, досаду в сердце кроя,
Грозит ей молча копием,
Трясет его рукой свободной,
И, задрожав, булат холодный
Вонзился в дерзостный язык.
И кровь из бешеного зева
Рекою побежала вмиг.
От удивленья, боли, гнева,
В минуту дерзости лишась,
На князя голова глядела,
Железо грызла и бледнела.
В спокойном духе горячась,
Так иногда средь нашей сцены
Плохой питомец Мельпомены,
Внезапным свистом оглушен,
Уж ничего не видит он,
Бледнеет, ролю забывает,
Дрожит, поникнув головой,
И заикаясь умолкает
Перед насмешливой толпой.
Счастливым пользуясь мгновеньем,
К объятой голове смущеньем,
Как ястреб богатырь летит
С подъятой, грозною десницей,
И в щеку тяжкой рукавицей
С размаху голову разит;
И степь ударом огласилась;

Кругом росистая трава
Кровавой пеной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлем чугунный застучал.
Тогда на месте опустелом
Меч богатырский засверкал.
Наш витязь в трепете веселом
Его схватил, и к голове
По окровавленной траве
Бежит с намереньем жестоким
Ей нос и уши обрубить;
Уже Руслан готов разить,
Уже взмахнул мечом широким —
Вдруг, изумленный, внемлет он
Главы молящей жалкий стон...
И тихо меч он опускает,
В нем гнев свирепый умирает,
И мщенье бурное падет
В душе, моленьем усмиренной:
Так на долине тает лед,
Лучом полудня пораженный.

„Ты вразумил меня, герой, —
Со вздохом голова сказала: —
Твоя десница доказала,
Что я виновен пред тобой;
Отныне я тебе послушен;
Но, витязь, будь великодушен!
Достоин плача жребий мой.
И я был витязь удалой!
В кровавых битвах супостата
Себе я равного не зрел;
Счастлив, когда бы не имел
Соперником меньшого брата!
Коварный, злобный Черномор,
Ты, ты всех бед моих виною!
Семейства нашего позор,
Рожденный карлой, с бородою,
Мой дивный рост от юных дней
Не мог он без досады видеть,
И стал за то в душе своей
Меня, жестокий, ненавидеть.
Я был всегда немного прост,
Хотя высок; а сей несчастный,
Имея самый глупый рост,
Умен как бес — и зол ужасно.
Притом же, знай, к моей беде,
В его чудесной бороде
Таится сила роковая,
И, все на свете презирая —
Доколе борода цела —
Изменник не страшится зла.
Вот он однажды с видом дружбы,
„Послушай, — хитро мне сказал, —
Не откажись от важной службы:
Я в черных книгах отыскал,
Что за восточными горами
На тихих моря берегах,
В глухом подвале, под замками
Хранится меч — и что же? страх!
Я разобрал во тьме волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей меч известен будет нам;
Что нас он обоих погубит:

Мне бороду мою отрубит,
Тебе главу; суди же сам,
Сколь важно нам приобретенье
Сего созданья злых духов!" —
„Ну что же? где тут затрудненье? -
Сказал я карле, — я готов;
Иду, хоть за пределы света".
И сосну на плечо взвалил,
А на другое для совета
Злодея брата посадил;
Пустился в дальную дорогу,
Шагал, шагал и, слава богу,
Как бы пророчеству на зло,
Всё счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвал;
Я разметал его руками,
И потаенный меч достал.
Но нет! судьба того хотела:
Меж нами ссора закипела —
И было, признаюсь, о чем!
Вопрос: кому владеть мечом?
Я спорил, карла горячился;
Бранились долго; наконец
Уловку выдумал хитрец,
Притих и будто бы смягчился.
„Оставим бесполезный спор, —
Сказал мне важно Черномор: —
Мы тем союз наш обесславим;
Рассудок в мире жить велит;
Судьбе решить мы предоставим,
Кому сей меч принадлежит.
К земле приникнем ухом оба
(Чего не выдумает злоба!),
И кто услышит первый звон,
Тот и владей мечом до гроба". —
Сказал и лег на землю он.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но сам жестоко обманулся.
Злодей в глубокой тишине,
Привстав, на цыпочках ко мне
Подкрался сзади, размахнулся;
Как вихорь свистнул острый меч,
И прежде, чем я оглянулся,
Уж голова слетела с плеч —
И сверхъестественная сила
В ней жизни дух остановила.
Мой остов терніем оброс;
Вдали, в стране, людьми забвенной,
Истлел мой прах непогребенный;
Но злобный карла перенес
Меня в сей край уединенный,
Где вечно должен был стеречь
Тобой сегодня взятый меч.
О витязь! ты храним судьбою,
Возьми его, и бог с тобою!
Быть может, на своем пути
Ты карла-чародея встретишь —
Ах, если ты его заметишь,
Коварству, злобе отомсти!
И наконец я счастлив буду,
Спокойно мир оставлю сей —
И в благодарности моей
Твою пощечину забуду".

Первая встреча

Отрывок из романа „Пушкин" Ю. Тынянова

Нянька Арина, укутав барчука и напялив на него меховой картуз с ушами, плыла по Первой роте, по Второй, переулку. Везде были солдаты. Латунская шапка с мальтийским крестом была на преображенском солдате, шедшем по улице.

— А вот, батюшка Александр Сергеевич, и пушечки. Во какие! Вот они грохочут, вот гудут. Что твой колокол. Вы шапоньку-то на уши да покрепче нахлобучьте,—мороз, нельзя, заморозитесь. Пушечки. Да.

Арина плыла мимо Артиллерийской казармы. Ворота были открыты, солдаты выкатывали пушки, а двое на корточках их чистили.

— Тетка, — сказал один негромко, когда нянька поровнялась, — по грибы, что ль, с барчуком вышла? Пушку не хочешь почистить?

— Без вас, без охальников обойдусь, — сказала ровно Арина.

Она проплыла на главную, Измайловскую улицу. Ребенка она вела за руку. Он пристально, неподвижно на все глядел.

— Ай, ай, какие лошадушки — на седельцах кисточки и кафтаны красные, шаровары бирюзовые! — пела Арина. — И шапочки бахарские, а ребятушки бородатые.

Это были казаки уральской сотни, которую император содержал в Петербурге. Они медленно ехали по широкой Измайловской улице. Улица была пустынна.

— Ай-ай, какой дяденька — генерал едут. Да, батюшка. Сами маленькие, а мундирчики голубенькие, а порточки у их белые, и звоночком позванивает, и уздечку подергивает.

Действительно, маленький генерал дергал поводья, и конь под ним храпел и оседал.

— Сердится дяденька, вишь, как сердится.

И она остановилась, как вкопанная. Гневно дергая поводья, генерал повернул на нее коня и чуть не наехал. Он смотрел в упор на няньку серыми бешеными глазами и тяжело дышал на морозе. Руки, сжимавшие поводья, и широкое лицо были красны от холода.

— Шапку! — сказал он хрипло и взмахнул маленькой рукой.

Тут еще генералы, одетые не в пример богаче, наехали.

— Пади! На колени! Картуз! Дура!

Тут только Арина повалилась на колени и сдернула картуз с барчука.

Маленький генерал посмотрел на курчавую льняную голову ребенка. Он засмеялся отрывисто и внезапно. Все проехали. Ребенок смотрел им вслед, подражая конскому скоку.

Сергей Львович, отец, узнав о происшедшем, помертвел.

— Ду-ра! — сказал он, прижимая обе руки к груди. — Ведь это император! Дура!

— Охти, тошно мне! — сказала Арина.— Он и есть.

Сергей Львович задыхался от события. Сперва он думал, что начнут разыскивать, и хотел немедля скакать в Москву. К вечеру успокоился. Пошел к приятелю, барону Боде, и осторожно описал событие. Барон пришел в восторг, и Сергей Львович осмелел. Он под строгим секретом должен был рассказать все подробности происшествия, как император, грозно крикнув: „Снять картуз! Я вас!", вздернул на дыбы своего коня над самой головой Александра — и проскакал к Артиллерийским казармам.

— Первая встреча моего сына с императором, — сказал он с поклоном и развел руками.

Худ. В. Веретенников.

Пушкин и его няня

Домик няни в селе Михайловском.

Арина Родионовна, няня Пушкина

Она была крепостная крестьянка из села Кобрина (в шестидесяти верстах от Петербурга). Кобрино принадлежало бабушке поэта Марии Алексеевне Ганнибал, и Арина Родионовна смолоду ей служила. В год, когда родился Пушкин, Кобрино было продано, и Арина получила вольную. Но она не захотела уйти от Пушкиных. Она выняньчила сестру поэта Ольгу, его самого и младшего брата Льва Сергеевича. Своей лаской, своей сердечной заботой она скрасила поэту холодное, неласковое детство. У нее учился он русской речи, от нее наслушался народных сказок, поговорок, пословиц, старинных былей и небылиц. Позже, когда поэт был сослан царем в село Михайловское, няня два года пробыла с ним в деревенской глуши, кормила его и утешала, слушала его стихи и рассказывала ему сказки. Тогда рассказала она ему сказку о царе Салтане и сказку про Балду. Пушкин записал их и через несколько лет пересказал по-своему, чудесными стихами. Арина Родионовна умерла в 1827 году, 70 лет от роду.

Зимний вечер

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Няня рассказывает сказки А. С. Пушкину. *с рисунка худ. В. Навозова*

Письмо няни к Пушкину

Незадолго перед смертью няня послала Пушкину это письмо. Она была неграмотна и диктовала его. Письмо это сохранилось.

Любезной мой друг, Александр Сергеевичь, я получила Ваше письмо и деньги, которые Вы мне прислали. За все Ваши милости я Вам всем сердцем благодарна. Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме и только когда засну забуду Вас.

Приезжай, мой Ангел, к нам в Михайловское — всех лошадей на дорогу выставлю. Я Вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидеться. Прощай, мой батюшка, Александр Сергеевич. За Ваше здоровье я просвиру вынула и молебень отслужила: поживи, дружечек, хорошенько — самому слюбится. Я, слава богу, здорова, целую Ваши ручьки и остаюсь Вас многолюбящая няня Ваша

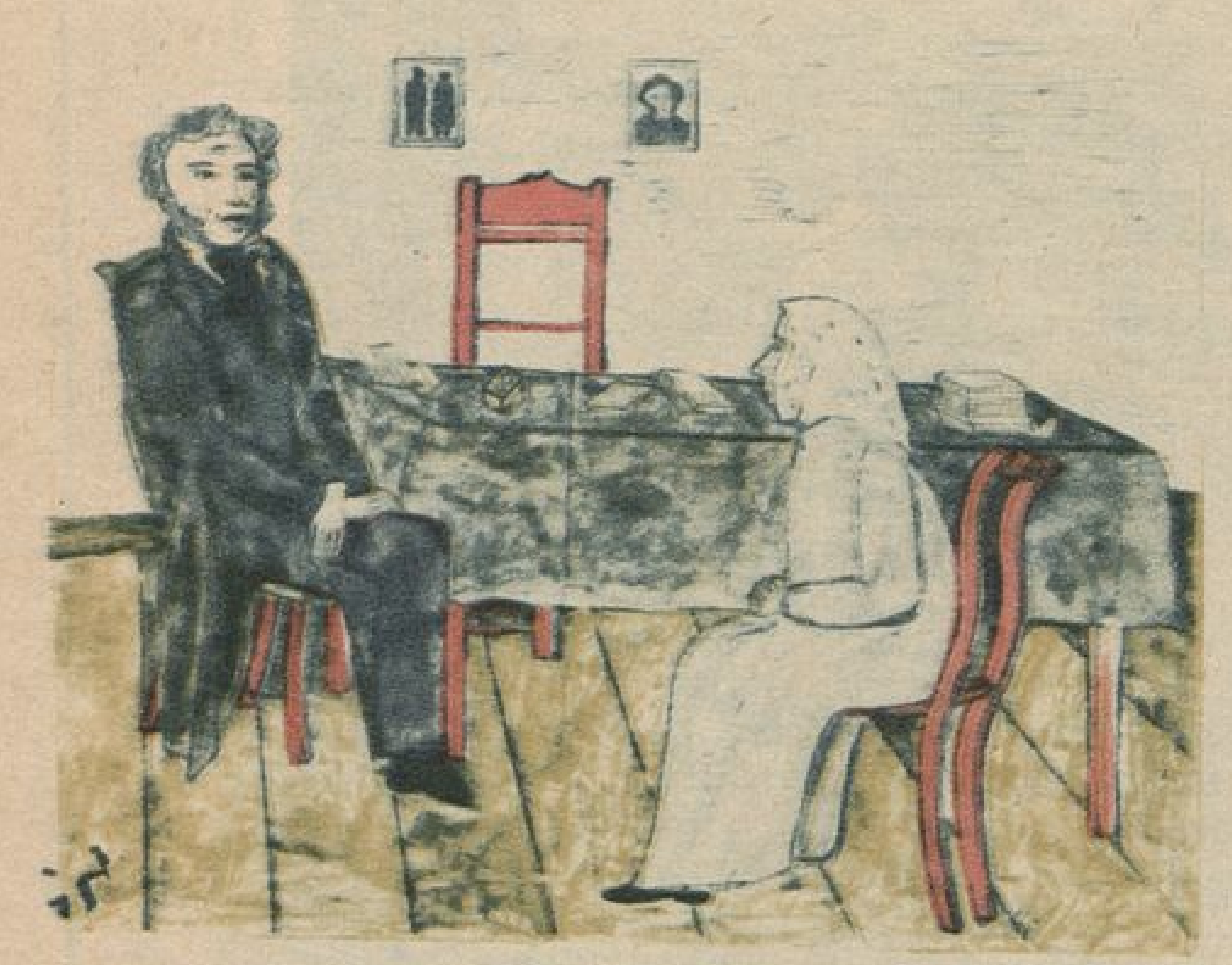
Арина Родивоновна
Село Тригорское, марта 6, 1827 г.

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.

А. С. Пушкин

МУРЗИЛКИНА ГАЗЕТА

Пушкин и няня. Рисовал Иван Колонутов. Короча. Курской области

ПУШКИНСКИЙ ВЕЧЕР

В январе у нас будет вечер Пушкина, и пионерский отряд № 3 будет представлять сказку о рыбаке и рыбке. Роль рыбака будет играть Грачев Вова. Роль старухи — Заглова Катя. Рыбку играет Синикина Лида. Костюмы к этому спектаклю делают сами ребята. На вечере также будут декламировать стихи Пушкина: „Четыре времени года“ из „Евгения Онегина“ и другие. Пименов Володя прочтет отрывок из поэмы „Руслан и Людмила“, „У лукоморья“, а Синикина Лида — „Зимнее утро“.

Рита Зуглова, 9 лет, Лида Синикина, 9 лет
Москва, Детский дом им. Коминтерна.

Праправнук А. С. Пушкина Миша Мезенцев десяти месяцев.

БАБА БАБАРИХА С ШМЕЛЕМ НА НОСУ

Мы, октябрята и пионеры, занимаемся в мастерской художественной вышивки при Доме пионеров и очень хорошо готовимся к пушкинскому юбилею. Наша группа вышивает картинки к сказке о царе Салтане. Мы читали эту сказку по частям и к каждой части придумывали рисунки и разбирали, кому какой нравится. Оле Лапшовой понравилось вышивать смешное, как царь Салтан сидит на престоле и в венце, с грустной думой на лице, а кругом него ткачиха и повариха кривые, а баба Бабариха с шмелем на носу. Юна Павлова взяла тридцать три богатыря, как они выходят из волн морских. Нюра Куранова вышивает царевну Лебедь. Очень радостно и приятно работать над сказками Пушкина, потому что все мы очень его любим и забавляемся его сказками.

А как другие ребята готовятся к пушкинскому юбилею?

Алла Беркенгейм, Нюра Куранова
Москва, Дом пионеров и октябрят

Сказка о царе Салтане. Рисунок Апрелева Сережи. Москва

Праправнук А. С. Пушкина Миша Пушкин.

Праправнук А. С. Пушкина Саша Пушкин.

Дорогие ребята!

Мы, Саша и Миша Пушкины,— праправнуки Александра Сергеевича. Мне 10 лет, а Мише 7. Когда мы вырастем, то пойдем в Красную армию; я буду летчиком, а Миша— танкистом. Нам очень жалко испанских ребят. Нам мама рассказывала про гражданскую войну. Тогда она была такая же, как мы сейчас. Мы знаем, как им тяжело. Скорей бы республиканские войска разгромили фашистских мятежников, и там было бы жить так же хорошо, как и нас, в Советской стране.

Миша и Саша Пушкины

Внучка А. С. Пушкина Анна Александровна Пушкина и праправнук А. С. Пушкина Боря Геринг.

ЛЮБЛЮ СКАЗКИ ПУШКИНА

Больше всего мне нравится физкультура и труд. Дома я также в свободное время играю, строю дома, шалаши. У нас с братом есть конструктор, и мы делаем тележки, аэропланы, автомобили. Сережа с дедушкой сделали верстак. У нас есть топоры, рубанки и другие инструменты. Всего 20 штук. Сережа любит путешествовать. А я, Борис, люблю играть в футбол. У нас библиотека из ста книжек. Любимые книжки брата— „Дубровский", „Сказка о царе Салтане". А я люблю все сказки Пушкина и рассказы Сетон-Томпсона.

Праправнук Пушкина

Боря Геринг

Праправнук А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя Гарик Галин.

Буду инженером.

Мне семь лет. Я уже умею читать и писать, но больше люблю, когда мне читает вслух бабушка. Больше всего мне нравятся сказки Пушкина и повести Гоголя. Моя бабушка— внучка Пушкина, а дедушка был племянник Гоголя. Когда мы жили в Ростове, я был в театре на представлении „Ревизора". Мне он очень понравился, и я дома теперь сам устраиваю постановку „Ревизора" со своими зверями: Мишка играет городничего, два зайца — Бобчинского и Добчинского, большой заяц — почтмейстера, две кошки — Анну Андреевну и Марию Антоновну, Маленький Мишка—Ляпкина-Тяпкина, а Бобка — Землянику. В Москве мне больше всего нравится метро и троллейбусы, и когда я буду большой, то буду сначала шофером в обтекаемом троллейбусе, а потом инженером на заводе им. Сталина.

Гарик Галин

СОБИРАЮ БИБЛИОТЕКУ ПУШКИНА

Я прочла много сказок и стихов А. С. Пушкина. Сказки и стихи Пушкина мне так понравились, что в моем уголке дома рядом с портретом Ленина, Сталина, Ворошилова я повесила маленький портрет А. С. Пушкина. Я собираю библиотеку, и в моей библиотеке 10 книжек Пушкина. Есть сказки, стихи.

Я уже составила из своих рисунков, открыток, вырезок из газет и журналов альбом „Сказки Пушкина". Второй альбом будет про жизнь Пушкина.

В прошлом году наш класс смотрел в детском театре сказку о царе Салтане. Очень всем понравилось.

Сейчас в нашем классе есть кружок по изучению произведений Пушкина.

Александрова Оля
Москва

Зима. Рисунок к стихотворению Пушкина Александров. Орехово- Зуево.

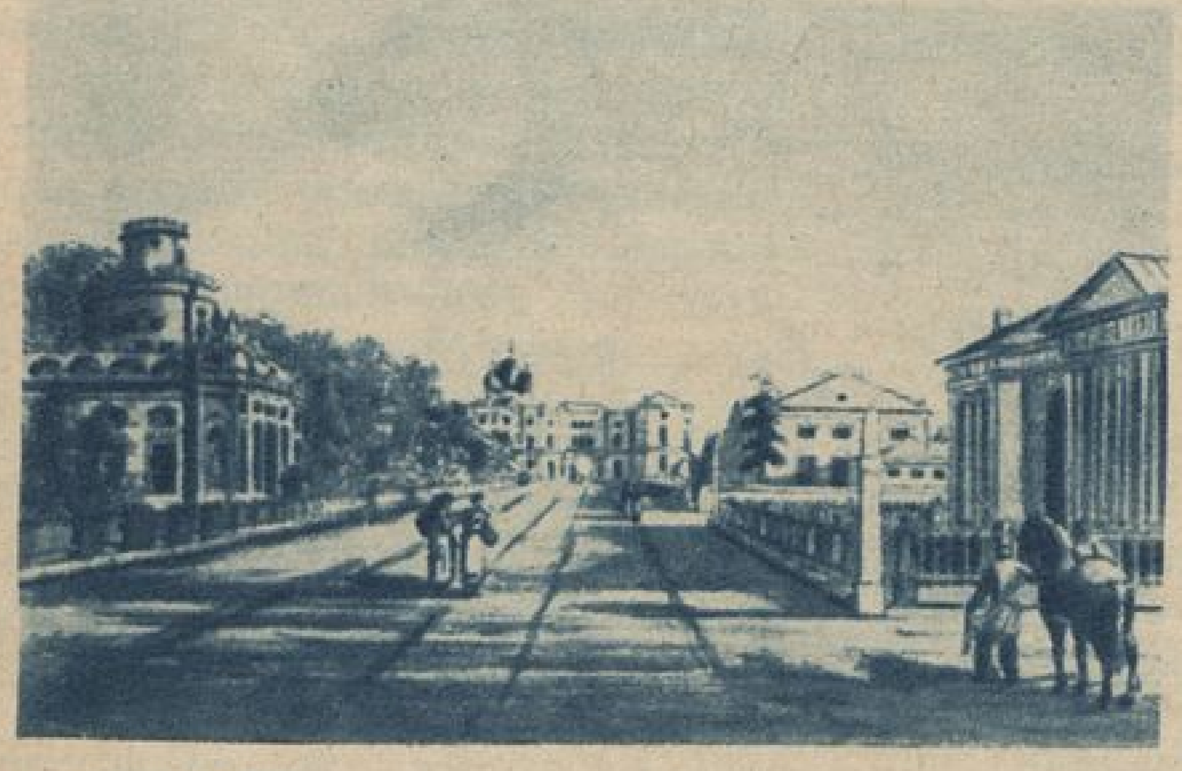
Здесь жил Пушкин

Подписи под старинными картинками — отрывки из стихотворений Пушкина.

Москва.

Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Царское Село.

...Нам целый мир — чужбина,
Отечество нам — Царское Село!

Гурзуф (Крым).

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы...

Петербург.

...Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье...

Кавказ.

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины.

Читайте Пушкина

... Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык...

И только после Великой Октябрьской революции исполнились слова поэта.

С 1917 по 1936 год вышло 243 издания произведений А. С. Пушкина. За эти годы издано больше девяти миллионов экземпляров книг великого поэта.

Книги Пушкина выходят на всех языках мира. В СССР они выпускаются в переводах на армянский, белорусский, грузинский, еврейский, казахский, карельский, татарский, узбекский, украинский, цыганский и еще на десятках других языков национальностей нашей родины.

Издательство детской литературы выпускает к столетию со дня смерти поэта специальную „Пушкинскую библиотеку".

В ней собраны избранные произведения поэта: Сказки — о царе Салтане, о золотом петушке, о мертвой царевне, о рыбаке и рыбке, о попе и работнике его Балде, поэмы „Руслан и Людмила", „Кавказский пленник", „Медный Всадник", рассказы и повести Пушкина.

Редколлегия: Барто А., Маршак С., Кассиль Л., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.
Ответственный редактор Н. Венгров. Оформление Веретенникова В.

Сдано в набор 15/XI 1936 г. Подписано к печати 16/XII 1936 г. Объем 3 печ. л. Ст.-форм. 62 × 94⅛ листа.
Уполном. Главлита Б-28032. Заказ № 2112. Детиздат № 1027 Тираж 225 000.

Цена 50 коп.

У лукоморья. *С картины худ. Буторина.*

Из поэмы А. С. Пушкина „Руслан и Людмила“.

... У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо—песнь заводит,
Налево—сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных;
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.